

Они довольно долго простояли у ворот школы.

Тот, кто приглашал, уступил выбор гостю, но Е Мянью совершенно не ориентировался в окрестностях. Да что там — он вообще плохо знал этот город. Обычно сразу после уроков он возвращался домой, так что более-менее привычным для него оставался лишь собственный район, где он и покупал еду на вынос. Чаще всего по хорошим заведениям его таскал Сун Сяошу, а самому выбирать место Е Мянью еще не приходилось.

Он отправился к клумбе, вытащил телефон и написал Сун Сяошу сообщение с вопросом, где находится тот семейный рыбный ресторанчик, в котором они были в прошлый раз — сам он дорогу не помнил.

Сяо Шу тут же перезвонил:

— Брат Мянью, ты решил туда сходить? Я же говорил, что рыба там просто объедение!

— Да. Объясни толком, как туда добраться от моей школы. Только попроще.

— Брат Мянью, да давай я просто приду к твоей школе и провожу вас? А вы меня с собой пообедать возьмете!

Присев на корточки у клумбы возле школьных ворот, он покрепче сжал телефон:

— Меня человек пригласил. Брать тебя с собой... тебе самому-то не кажется, что это как-то некрасиво?

— Ну да, неловко получается, — вздохнул на том конце провода Сун Сяошу. — Но я могу прийти сам по себе! Сяду за отдельный столик, сам за себя заплачу. Так ведь можно?

— Ладно, сейчас спрошу у него.

Чэн Лян стоял рядом. Пользуясь своим внушительным ростом, он возвышался над толпой заплывавших школьный двор учеников и невольно приковывал к себе взгляды, хотя самому, похоже, было абсолютно плевать на чужое внимание.

Он достал сигарету, прикурил и, подражая Е Мянью, тоже опустился на корточки рядом.

— Что там? — спросил он, повернув голову. Он слегка прищурился из-за дыма.

Е Мянью в очередной раз мысленно обругал себя за то, что плохо учил в школе литературу, не способный подобрать нормальное описание этому взгляду.

— Да Сяо Шу просится с нами. Обещает сесть за соседний столик и платить сам за себя. Что думаешь?

Подросток говорил со свойственной ему резкой, слегка раздраженной интонацией, из-за чего со стороны казался довольно дерзким типом, с которым лучше не связываться.

Он затушил окурок:

— Да пускай идет, поедим вместе. Ты уверен, что не хочешь забрать эту серьгу?

Е Мянью быстро бросил пару слов Сяо Шу и сбросил вызов:

— Не нужна она мне. Вот если бы ты подарил что-то действительно ценное, я бы еще подумал. А это что? Какая-то безделушка, да еще и поношенная.

— Что, брезгуешь?

— Да, прямо воротит. Убери её и не свети перед глазами.

Миниатюрный бриллиант в серьге ярко вспыхивал, ловя лучи полуденного солнца.

После обеда они втроем не спеша побрели по улице. Наевшись, Е Мянью обычно затихал — он и так не отличался болтливостью, а сытость и вовсе погружала его в молчаливую полудрему.

Они шли и шли, пока дорога не вывела их к реке. К той самой реке, из которой Е Мянью совсем недавно вытащил Чэн Ляна.

Вспомнив об этом, Е Мянью украдкой взглянул на спутника, тут же отвел глаза и уткнулся в землю.

— В этой речке, небось, немало народу утонуло? — вдруг подал голос Чэн Лян.

Е Мянью резко вскинул голову, удивленно уставившись на него.

— О да, полно, — охотно подхватил Сун Сяошу. — В основном пацаны мелкие, которые без спросу лезут купаться в жару.

— Ну да, тут глубоко.

— А еще самоубийцы всякие. Несколько лет назад у нас тут семейка разводилась. Жена развода не хотела, залезла на мост и давай пугать мужа, что прыгнет. А мужик у нее оказался кремнем — встал под мостом и давай ее костерить последними словами. В общем, ругались они так, на чем свет стоит, минут двадцать. И баба то ли от злости, то ли от избытка чувств оступилась и полетела вниз. Благо внизу уже спасатели дежурили, сразу ее выловили. Вода глубокая, так что она даже не расшиблась. Но как домой вернулась — слегла с лихорадкой месяца на два. А потом совсем умом тронулась, начала нести околесицу, будто ее под воду кто-то за ноги утянул. Камер там тогда еще не было, но прохожие на телефоны снимали — никто ее не толкал, сама свалилась. С тех пор пошли слухи, будто она в воде какую-то нечисть увидела и умом повредилась от страха.

Е Мяннь передернул плечами:

— Твою мать, Сяо Шу, нашел время сказки рассказывать среди бела дня. Аж мороз по коже.

— Да ладно тебе, брат Мяннь, когда еще о таком трепаться, как не днем? Ночью-то страшнее.

— Заткнись!

Чэн Лян искоса взглянул на Е Мяння, и он едва заметно усмехнулся. Надо же, какой забавный: хвастался, что не боится насекомых, а от обычных страшилок его передергивает.

Они прошли еще немного и спустились ближе к воде. В этот час у реки как раз собирались местные старики, чтобы переждать зной в теньке. Троица курящих подростков на траве привлекала немало любопытных взглядов.

Один из дедушек узнал Е Мянню и зычно крикнул, зазывая сыграть партию в шахматы. Тот попытался отказаться, но старик не унимался, крича на всю набережную с таким упорством, будто готов был стоять на своем до самого вечера.

Е Мяннь сплюнул зажатую в зубах сигарету:

— Я думал, раз я сегодня не один, они ко мне приставать не станут.

— Ого, брат Мяннь, — удивился Сяо Шу. — Ты тут со всеми местными дедами знаком, что ли?

— Не знаком я с ними. Виделись пару раз, партию-другую сыграли.

— Все равно круто, — Сяо Шу уважительно поднял большой палец.

Е Мяннь отвесил ему легкий подзатыльник:

— Придурок.

Шедший следом Чэн Лян продолжал задумчиво наблюдать за ним. Когда Е Мяннь все-таки сел за шахматную доску, он стал смотреть совсем уж пристально и откровенно. Е Мяннь играл превосходно — никто из местных стариков не мог составить ему достойную конкуренцию. Именно поэтому они и караулили его каждый раз, надеясь отыгаться.

— Какого черта ты на меня так пялишься? — не выдержал Е Мяннь, подняв глаза на Чэн Ляна.

Чэн Лян лишь усмехнулся:

— Уважаемый, позвольте мне сыграть с вами пару партий?

Е Мяннь с облегчением поднялся, уступая ему место.

Спустя несколько партий, которые Чэн Лян выиграл одну за другой, разгромленный старик окончательно пал духом и махнул рукой, прогоняя их:

— Ступайте, ступайте отсюда! Что за молодежь пошла — живого места на старике не оставили. Эх, уходит наше время...

Е Мяннь промолчал.

— Ты же на общежитии живешь, — напомнил он Чэн Ляну, когда они пошли дальше. — Смотри не опоздай, а то двери закроют.

— Я сегодня там не ночую, — лениво отозвался Чэн Лян. — У меня даже сменной одежды с собой нет.

— И где ты спать собрался?

— В гостинице переночую. Завтра пятница, съезжу домой, отправлю вещи доставкой. Как все приедет, тогда и заселюсь окончательно.

Е Мяннь подавил искушение сорвать стебель осоки и хлестнуть его по плечу — этот жест показался ему слишком девчоночьим, не хватало еще, чтобы эти двое его засмеяли.

Он вообще не выглядел как человек, способный ужиться в школьном общежитии. Судя по повадкам и дорогой одежде, был типичным сыном богатых родителей. Общежитие? Как он собирается терпеть тамошние спартанские условия и делить комнату с кучей соседей?

Впрочем, какая разница. Богатым бездельникам иногда хочется экзотики. Интересно только, на сколько его хватит — Е Мянью готов был поспорить, что тот сбежит оттуда меньше чем через неделю.

В понедельник Е Мянью, как обычно, пришел на занятия. Весь день он вел себя на удивление тихо: прилежно сидел в кабинете и даже не стал отлынивать от словарного диктанта по английскому. Из тридцати слов он без труда правильно написал больше половины. Тех, кто заваливал диктант, заставляли приходить на пересдачу на переменах или после уроков, но Е Мянью отделался лишь парой мелких ошибок.

Вернувшийся из учительской Чжан Фанью смотрел на него как на восьмое чудо света. Он своими глазами видел тетрадь Е Мянью на столе англичанки: аккуратный, чистый почерк и ровный ряд красных галочек.

Чжан Фанью был свято уверен, что Е Мянью просто виртуозно списал. Ведь сегодня утром на диктанте Лао Чжан, у которого не было уроков, лично патрулировал класс. Он ходил между рядами и прицельно следил за самыми заядлыми бездельниками. Из-за этого сам Чжан Фанью даже не смог открыть шпаргалку, а списывать у соседа по парте было бесполезно — тот знал язык еще хуже.

Е Мянью лишь неопределенно кивнул. Он полез в карман, но тот оказался пуст — сигареты закончились. Заметив это, Чжан Фанью тут же услужливо протянул свою пачку.

У Е Мянью была отличная память. Утром на классном часу от скуки он пару раз пробежался глазами по списку слов — без всякой задней мысли, просто так. Но буквенные сочетания сами собой отпечатались в сознании, и когда учительница начала диктовать, рука на автомате выводила правильные буквы.

Правда, чтобы не привлекать лишнего внимания, он намеренно сделал несколько глупых ошибок в простых словах, а в одном сложном словосочетании действительно перепутал предлог.

Выйдя из класса, он дошел до туалета, умылся холодной водой. В такую духоту идти на баскетбольную площадку не хотелось совершенно — Е Мянью терпеть не мог потеть, к тому же на солнце он мгновенно краснел. Куда приятнее было лениво созерцать мир, ничего не делая.

Они с Чжан Фанем сидели рядышком на трибуне стадиона во время урока физкультуры, лениво глаза по сторонам.

Внизу шумела толпа ребят, гонявших футбольный мяч. Чжан Фанью вдруг что-то вспомнил и полез за телефоном:

— Брат Мянь, ты вчерашний матч смотрел?

— Нет, — буркнул Е Мянь. В последнее время он старался ложиться пораньше, так что на ночные трансляции времени не оставалось. А смотреть футбол в записи он не любил — пропадал весь азарт.

Чжан Фань разочарованно вздохнул:

— Эх, упустил ты зрелище! Ладно, я его скачал. Хотя сам уже видел, но все равно поделюсь радостью: Аргентина наконец-то забила! Я чуть не расплакался, честное слово. Не зря Месси столько лет жилы рвал, аж за душу берет.

Е Мянь искоса глянул на него:

— А до этого они что, вообще не забивали?

— Да нет, просто они никак выиграть не могли. Я же на них несколько раз ставил, просадил кучу денег. До сих пор сердце кровью обливается.

— Так вот в чем дело... Жалко проигранных денег, да?

Но любопытство взяло верх:

— А ну, дай сюда, гляну.

Футбол действительно оказался стоящим.

Заявив Чжан Фаню, что тому смотреть во второй раз незачем, Е Мянь бесцеремонно приватизировал чужой смартфон и уставился в экран, ни на что не отвлекаясь. Ему казалось дикостью утыкаться в один маленький дисплей вдвоем, соприкасаясь головами.

Так, за просмотром лучших моментов матча, незаметно пролетел весь урок.

Физкультура закончилась, начался следующий урок, и Е Мянь не спеша побрел обратно в корпус.

— Здравствуйте, Лао Чжан, — поздоровался он, заметив классного руководителя, который стоял у окна кабинета и заглядывал внутрь.

Услышав голос ученика, учитель вздрогнул и отпрянул от стекла:

— А, Е Мянъ.

Е Мянъ поспешно спрятал телефон Чжан Фаня в карман брюк:

— Я пойду, сейчас урок начнется.

Лао Чжан понимающе кивнул:

— Сейчас биология. Слушай внимательно, в телефон не залипай.

Для примерных учеников угроза «отобрать телефон» имела какой-то вес, но для Е Мянъ эти предупреждения были пустым звуком.

— Мне нужно кое-что с тобой обсудить, — добавил учитель, заметив приближающуюся преподавательницу биологии. — А, ладно, давай после уроков. Буду ждать тебя в учительской.

Шел конец июня. До летних каникул оставалось всего несколько дней. Е Мянъ слышал от старшеклассников о местных порядках, поэтому сразу предупредил:

— Лао Чжан, на летние отработки я не приду.

В этой школе практиковались летние факультативы для переходящих в выпускные классы, но они не были обязательными для всех — в основном туда ходили отличники и те, кого учителя загоняли насильно.

— Нет, дело не в этом. Кое-что другое, но мне нужно твое согласие. Ничего страшного, в общем. Ладно, иди на урок, не отвлекайся, — Чжан Пинтао махнул рукой и поспешил уйти.

Как только классный руководитель скрылся за поворотом, Е Мянъ достал наушники, водрузил телефон на парту, подперев его стопкой учебников, и продолжил прерванный просмотр матча.

Когда класс наконец опустел, Е Мянъ не спеша направился в учительскую. До конца семестра оставалась неделя, а последние два дня были отведены под первые экзамены после разделения классов по направлениям.

По пути он размышлял: если речь идет не об отработках, значит, дело в предстоящей сессии. Последнее время он вел себя прилично, даже на утренние построения почти не опаздывал, решив, что перед каникулами можно и потерпеть.

В учительской почти никого не осталось. Е Мянй постучал и вошел. Лао Чжана за столом не было — он стоял у кулера. Заметив ученика, учитель налил в бумажный стаканчик ледяной воды и протянул ему:

— Держи, освежись. Присаживайся, есть серьезный разговор.

Почувствовав пальцами холод сквозь тонкую бумагу стакана, Е Мянй присел на стул:

— Лао Чжан, говорите как есть. Ваша таинственность меня немного пугает.

— Как ты относишься к тому, чтобы сидеть с кем-то вместе?

«Сосед по парте?»

— Никак не отношусь, — Е Мянй насторожился. Неужели этот добродушный старик решил подсунуть ему кого-то?

Он так и не отхлебнул воду, продолжая вертеть стаканчик в руках:

— Лао Чжан, вы хотите подсадить ко мне кого-то?

— Ну да. Во всем классе только у тебя нет соседа.

Чжан Пинтао, как и все мужчины средних лет, даже в самую жуткую жару предпочитал пить горячую воду из термоса, куда обычно добавлял то ли чайные листья, то ли ягоды годжи.

Е Мянй сразу пошел на попятную:

— Не надо, Лао Чжан. Мне одному отлично сидится. Я ценю вашу заботу, но давайте не будем портить жизнь другим ребятам. Вы же знаете, как я веду себя на уроках — либо сплю, либо в телефоне торчу. Буду только отвлекать человека от учебы.

— Ничего страшного, главное, что ты сам не против.

Е Мянй медленно поднял глаза, он слегка вздрогнул:

— Лао Чжан, я вообще-то против.

— Возражения не принимаются, — отрезал учитель, ставя точку в споре.

Вода в стаканчике от тепла ладоней уже перестала быть ледяной. Е Мянью осушил его одним глотком и метким броском отправил пустой стакан в мусорное ведро у соседнего стола. Спрашивается, зачем вообще нужно было устраивать этот разговор, если его мнение никого не интересовало?

Перспектива делить парту с кем-то откровенно раздражала. Е Мянью сидел у окна, и теперь, чтобы выйти из-за стола, ему придется каждый раз просить соседа подвинуться.

— Мусорка вообще-то у тебя под ногами стояла, — проворчал Лао Чжан.

— Не заметил. Леню было наклоняться и искать.

Его колено действительно упиралось в ведро под столом учителя, но Лао Чжан со своими короткими ногами вряд ли когда-нибудь задевал его.

Вернувшись в класс, Е Мянью тут же принялся переставлять мебель. Ему не хотелось потом возиться с учебниками, поэтому он просто поменял местами парты, протиснув свою поближе к проходу, а свободную задвинув к окну. Стулья он тоже переставил.

По его наблюдениям, после разделения классов все его новые одноклассники превратились в типичных зубрилов, не поднимающих головы от тетрадей. Кого бы Лао Чжан к нему ни посадил, страдать придется именно этому бедолаге — его успеваемость покатится по наклонной, и обвинить Е Мянью в этом никто не сможет.

Дорога от школы до дома занимала около двадцати минут неторопливым шагом. Если Е Мянью не спешил, он всегда ходил пешком.

По пути располагался небольшой рынок. Район был тихим, спальным, так что и рынок обслуживал в основном местных жителей. Е Мянью обычно закупался именно здесь — брал простые, привычные продукты.

Сегодня он решил пройти чуть дальше, до центрального рынка посёлка Биньян. Там он купил свиных ребер, кукурузу и немного зелени. Он обожал свежий лук, а домашние запасы как раз подошли к концу. К этому он добавил пару томатов и десяток яиц.

Напоследок взял палочку домашней колбасы.

С полными руками разноцветных пластиковых пакетов он зашагал к дому.

Линь Юньжань сидела на диване в шелковой ночной сорочке и увлеченно красила губы.

Повернув ключ в замке, Е Мянй вошел в квартиру. Он даже не взглянул в ее сторону — разулся и молча прошел с пакетами на кухню.

Защелкнув футляр помады и убрав зеркальце, Линь Юньжань неторопливо вошла следом. Глядя, как сын суетится у плиты, она брезгливо поморщилась:

— И зачем только ты сам готовишь? Какая от тебя польза вообще? Твой папаша шлет тебе нехилые алименты — ты же его первенец, любимый сынок. Этих денег с лихвой хватило бы на любые рестораны. И до чего ты докатился? Через месяц тебе шестнадцать стукнет. Ты что, мечтаешь стать кухаркой? Собираешься всю жизнь у плиты стоять? Хоть какая-то гордость в тебе есть?

Стоило ей оказаться рядом с Е Мяннем, как ее голос тут же сорвался на привычные визгливые нотки.

Е Мянй закончил чистить овощи, обернулся и очень спокойно произнес:

— Спасибо.

Эта неожиданная благодарность заставила Линь Юньжань осечься:

— Что? Ты думаешь, я тебя сейчас похвалила?

Он вытащил из пакета початки кукурузы и помидоры, включил воду и принялся мыть их под краном, не оборачиваясь:

— Спасибо, что помнишь, когда у меня день рождения.

Помнит, что скоро шестнадцать.

— Шестнадцать лет — вполне солидный возраст. Чем мне заниматься сейчас и кем становиться в будущем, я решу сам. А как мне тратить эти деньги — мое личное дело. Но если тебе очень нужно, я могу выделять тебе по три тысячи в месяц.

Линь Юньжань промолчала. Прошло довольно много времени, а она все стояла неподвижно. Е Мянй тем временем закончил мыть овощи, переложил их на разделочную доску, нарезал томаты крупными дольками, а початок кукурузы разделил на три части.

Бах!

Одним резким движением она смахнула все подготовленные продукты с разделочной доски

прямо на пол.

В руке у Е Мяня оставался зажат тяжелый кухонный нож. Пальцы до белых костяшек сжали рукоять. Несколько секунд он стоял неподвижно, оглушенный этой дикой выходкой, а затем с силой вонзил лезвие в деревянную доску. Он мгновенно покраснел, глаза налились кровью:

— Ты совсем с ума сошла?! Ты что творишь?! — закричал он, тяжело дыша от подступившей к горлу ярости.

Но в следующее мгновение он осекся. Гнев улетучился, сменившись растерянным недоумением. Пальцы сами собой разжались.

Женщина перед ним плакала. Слезы градом катились по ее лицу, начисто смывая только что нанесенный макияж и оставляя на щеках грязные черные разводы от туши и подводки.

Е Мянь сделал несмелое движение рукой, словно пытаясь ее успокоить, но замер на полпути:

— Мам, ты...

Сказать по правде, он впервые видел, как его мать плачет. И плакала она... ужасно некрасиво. Но Е Мяню от этого зрелища стало невыносимо тяжело, будто кто-то с силой сдавил ему виски, лишая возможности соображать.

— Почему ты плачешь? Я... — он лихорадочно соображал, не наговорил ли лишнего, не перегнул ли палку.

— Е Мянь, твою мать! — истошно закричала Линь Юньжань, и ее срывающийся голос эхом разнесся по всей квартире. — С чего ты взял, что мне нужны твои подачки?! С чего?! Ты тоже теперь считаешь меня ничтожеством, да? Тоже презираешь?! Решил, что я тебе не мать, и хочешь вернуться к нему? К той его новой бабе под крылышко захотел, да?! Признавайся!

— Нет. Вовсе нет, — тихо, почти без сил выдохнул он. Руки его плетями повисли вдоль тела, а взгляд оставался прикованным к искаженному от рыданий лицу матери — чистый, без капли лукавства.

Но Линь Юньжань продолжала безутешно рыдать. Е Мянь отчаянно пытался подобрать хоть какие-то слова утешения, но его речевой аппарат окончательно отказал. Не дождавшись от него ни звука, она резко развернулась и бросилась прочь. Ее хрупкая, до болезненности худая фигура в легком халате быстро скрылась за дверью комнаты, и лишь тихий стук домашних тапочек растаял в наступившей тишине.